

— Почему ты так сильно его ненавидишь? В конце концов, он же твой отец? — спросил Е Цзы.

Кролик ответил:

— Отец? Боюсь, он и сам не верит, что он мой отец. С тех пор как мне исполнилось восемь, он ненавидел меня, подозревал, бил, вышвыривал посреди ночи на улицу, разбивал о мою голову вазы, прилюдно называл вором, заставлял стоять на коленях у дороги сутки напролёт только за то, что я вступился за маму. Мне-то всё равно, но я не могу простить того, что он делал с ней. Однажды он отдал мою маму своим друзьям-собутыльникам. Они творили с ней омерзительные вещи у всех на глазах, а он делал вид, что ничего не замечает. У мамы потом начались проблемы с психикой, его новая пассия издевалась над ней, а ему было плевать... Для него мама — просто старая тряпка. Ха, наверное, даже хуже, чем тряпка.

— Убить твоего отца — дело непростое. Я помню, твой отец — большой богач. Вокруг него наверняка полно телохранителей, — сказал Е Цзы.

— С моим планом убить его будет очень легко.

Ночью Е Цзы не сомкнул глаз — снова и снова просматривал информацию, пришедшую на телефон. В файле не было ни фотографии мужчины, ни имени, зато его местонахождение и способ убийства расписали предельно чётко. Этот человек сейчас находился в лучшей больнице города, в 33-й палате отделения проктологии. Диагноз — рак кишечника. Способы убийства были просты. Первый: в его горло вставлена трубка, которую нужно время от времени прочищать от мокроты. Достаточно закупорить её, и через несколько минут больной умрёт от удушья. Второй: провести манипуляцию с капельницей, чтобы воздух попал в вену, вызвав воздушную эмболию или тяжёлую сердечную дисфункцию; человек начнёт задыхаться, сердце остановится, и наступит быстрая смерть...

Они договаривались обменяться убийствами. На данный момент Е Цзы убил Цзян Вэй и старуху, а Кролик — мужчину, издевавшегося над матерью Е Цзы, Не Хайся и Чжан Тао. Следуя этой логике, Е Цзы действительно должен убить ещё одного, но сделка давно не действует. На этот раз Кролик хотел, чтобы Е Цзы убийством доказал свои чувства... Как ни крути, странно. Почему это должно что-то доказать? Может быть, есть какая-то скрытая причина? К тому же... у этого человека рак, он уже стар. Если оставить его в покое, он проживёт от силы пару лет. Зачем всё это?

Несмотря на эти мысли, на следующий день Е Цзы всё же отправился в больницу, поднялся на четвёртый этаж, в отделение проктологии. Разумеется, он не собирался вот так сразу идти убивать, ему было просто любопытно, он хотел разведать обстановку.

Пол был тёмно-зелёным, стены — светло-зелёными. Медсёстры в белом возили туда-сюда тележки с лекарствами, бинтами и шприцами. Родственники болтали в коридорах, пара пациентов в полосатых больничных пижамах сидели на стульях и проводили Е Цзы пустыми, безжизненными взглядами.

Пока он шёл по коридору, в его сердце закралось странное чувство. Вокруг было слишком много теней, слишком много глаз смотрело на него. Неприятное ощущение. Затем он увидел палату номер 33.

У двери стоял высокий мужчина в чёрном, а на стуле рядом сидела неестественно худая женщина с вьющимися волосами. Не успел Е Цзы подойти, как женщина подняла голову. Она была похожа на иностранку: узкий и высокий нос, глубоко посаженные глаза с тёмно-карими радужками. Несмотря на плохой цвет лица и морщинки в уголках глаз и губ, она ещё не утратила былой красоты.

Женщина смотрела на него, её лицо подрагивало, пальцы непрерывно перебирали ткань одежды, плечи тряслись. Она была испугана. «Это, похоже, мать Кролика», — подумал Е Цзы. Высокий нос и бледная кожа, вероятно, достались Кролику от неё. Если подумать, внешность этой женщины казалась пугающе знакомой. У Е Цзы разболелась голова, словно он вот-вот что-то вспомнит. Не успев додумать эту мысль, он произнёс:

— Здравствуйте, тётя.

Женщина нервно отпрянула, опустила голову и не издала ни звука. Стоявший рядом высокий мужчина спросил:

— Вы к кому?

Е Цзы не успел ответить. Его взгляд упал внутрь палаты, на мужчину, сидящего на больничной койке. Букет цветов выпал из его рук. Мужчина в чёрном что-то говорил, но Е Цзы оттолкнул его и шагнул внутрь. Очевидно, старик на койке тоже его увидел.

На голове мужчины почти не осталось волос, лицо было серым, он выглядел очень старым. Увидев Е Цзы, человек выпучил глаза так, что они стали похожи на круглые медные колокольчики, его рот открылся. Мужчина сделал несколько судорожных вдохов, из трахеи слышались сиплые, хлюпающие звуки. Дрожащей рукой старик указал на Е Цзы, шевеля губами, но он не смог произнести ни слова из-за трубки в трахее.

Молодая женщина, сидевшая рядом с ним, с недоумением посмотрела на Е Цзы, затем встала и гневно крикнула:

— Вы кто такой?! Кто позволил вам сюда врыватьсЯ?!

Е Цзы стоял, крепко сжав кулаки. Старик продолжал размахивать руками, его губы беззвучно шевелились. Хотя звуков не было слышно, Е Цзы понял, что именно хотел сказать этот старик. В этот момент у него защипало в носу, а глаза обожгло горячей влагой. Они не виделись, наверное, больше десяти лет? Е Цзы думал, что их отношения давно разорваны, но не ожидал, что наступит такой день и он увидит, как этот человек будет жадно смотреть на него и безмолвно повторять: «Сынок! Сынок!»

Е Цзы вспомнил, как этот мужчина по имени Е Чэн вместе с Хань Яо вышел из дорогой машины и среди множества детей выбрал именно его. Одетый в костюм, он присел перед ним на корточки и с улыбкой сказал: «Отныне я твой папа». Он вспомнил, как в роскошном особняке Е Чэн нанимал бесчисленных репетиторов, чтобы обучать его всему — от астрономии, географии, математики и литературы до этикета, танцев и игры на музыкальных инструментах. Отец сидел в мягком кресле и слушал, как он наизусть читает древние стихи. Если получалось плохо, его наказывали, а если хорошо — Е Чэн с улыбкой гладил его по голове, и вечером они вместе смотрели «В мире животных».

Он вспомнил, как Е Чэн брал его с собой на всевозможные светские мероприятия. Перед множеством друзей он с гордостью заявлял: «Это мой сын». Конечно, раз он вспомнил хорошее, то вспомнил и то, что было потом: как отец стал игнорировать его и как в конце концов они с матерью покинули тот дом.

Голова у Е Цзы болела всё сильнее, казалось, она вот-вот взорвётся. Сейчас он действительно был тронут, но ещё больше — сбит с толку. Теперь он знал: человек, которого Кролик хотел убить, — это его, Е Цзы, отец. Но ведь этот человек — отец и самого Кролика... Боже... Что же он забыл?.. Кролик ведь пошутил, да?!

Он развернулся, чтобы уйти, но услышал глухой удар, а затем женский крик. Е Чэн скатился с кровати. Калоприёмник и трубки сдвинулись от удара, из надрезов начала сочиться кровь, но мужчина лишь крепче вцепился в штанину Е Цзы. Его губы безостановочно что-то шептали, а глаза покраснели.

Вбежали несколько медсестёр и санитар, который поднял Е Чэна на кровать, помог обработать рану и помыть мешок. Молодая женщина тревожно причитала рядом: «Господин, вы в порядке? Вы в порядке, господин?» Поняв, что происходит, она принесла белую доску и маркер, поставив их перед Е Чэном.

Е Чэн начал писать: Сынок, ты пришёл навестить папу? Я думал, что умру, так и не увидев тебя, не ожидал, что ты действительно придёшь!

Е Цзы молчал.

Е Чэн: В последнее время ты мне часто снишься. Недавно я лежал в реанимации и несколько раз звал тебя по имени, спроси тётю Фан, если не веришь. Ты так вырос! Наверное, уже закончил университет? Я посылал людей искать тебя, но в твоей квартире никого не было, потом в...

Е Цзы поднял голову, сжал кулаки и перебил Е Чэна:

— Зачем вы меня искали?

Е Чэн: Разве странно, что отец ищет сына? Я виноват перед тобой, знаю. Столько лет не выполнял отцовский долг, я не должен был так поступать. Эта болезнь — расплата. Как только узнаешь, что жить осталось недолго, начинаешь жалеть о содеянном. Я виноват перед тобой и

твоей мамой, перед вами обоими...

Почерк Е Чэна становился всё более неровным, по морщинистым щекам покатались слёзы. Е Цзы больше не мог этого выносить и поспешно сказал:

— Вы ни в чём передо мной не виноваты. Я ведь приёмный, вы меня вырастили, я ни в чём не нуждался, этого уже достаточно для счастья.

Молодая женщина, которую звали тётя Фан, стирая надписи с доски, сказала:

— Так вы и есть его старший сын Е Цзы? Много о вас слышала, но ни разу не видела. Вы и правда очень красивый, настоящий молодой господин.

На душе у Е Цзы было совсем не легко. Он задал вопрос, который волновал его больше всего:

— А младший брат? Он навещал вас?

Лицо Е Чэна мгновенно помрачнело, а тётя Фан покачала головой. Спустя некоторое время Е Чэн написал на доске: «Джейсон — дьявол».

Е Цзы почувствовал, как его мир рушится. На самом деле, он рушился с того момента, как он увидел Е Чэна, просто Е Цзы пытался убежать от реальности. В этот миг он вспомнил одну сцену из прошлого.

Семья ужинает за круглым столом. Отец спрашивает светловолосого мальчика лет пяти:

— Чэнси, ты придумал себе английское имя?

Мальчик поднял голову и лучезарно улыбнулся:

— Придумал!

— Ну, и какое же?

— Джейсон!

— Почему именно это?

Мальчик указал на футболку Е Цзы, на которой крупными английскими буквами было написано Jason.

Тётя Фан, видя, что Е Чэн перестал писать, вмешалась:

— Джейсон отравил господина, из-за чего он был в коме целых два дня и чуть не умер. Трудно поверить, что этот ребёнок настолько злобный. Господин в нём полностью разочаровался. Сначала хотел отправить его в колонию для несовершеннолетних, но, помня о родстве, просто выгнал из дома.

Е Чэн кивнул и продолжил писать: Джейсон пропащий, мы давно махнули на него рукой. А-Цзы, ты мой единственный сын. Обещай, что в будущем не станешь с ним связываться.

Тетя Фан кивнула:

— Джейсон действительно страшный человек, просто сумасшедший. За его жуткими ухмылками скрываются коварные замыслы. Если будешь с ним общаться, он тебя испортит.

Е Чэн: Просто не связывайся с ним, и будешь моим хорошим сыном. Я обязательно компенсирую всё тебе и твоей матери. Ты же знаешь, мне осталось недолго. Моё состояние, акции нашей корпорации Е — всё это в будущем достанется тебе.

Е Цзы долго молчал, словно пытаюсь удостовериться в услышанном, а затем снова спросил:

— Брат... почему он называет себя Гу Чэнси?

Тетя Фан вздохнула:

— Решил, что уже не имеет отношения к семье Е, поэтому взял фамилию матери. Жаль только, что его мать тоже сошла с ума, так что смена фамилии на самом деле не имеет никакого смысла.

Е Чэн сделал недовольное лицо, и тётя Фан замолчала.

Е Цзы просидел в палате целый день и вернулся домой только вечером, со свинцовой тяжестью на сердце. Голова пульсировала тупой болью, сознание мутилось, словно при простуде. Он чувствовал, как с каждым шагом, с каждым мгновением стремительно возвращается память.

Джейсон, Е Чэнси — его младший брат. Родной сын Е Чэна. А он, Е Цзы, старше Е Чэнси на пять лет, был усыновлён Е Чэном и Хань Яо и воспитывался как родной сын в течение одиннадцати лет. Однако безграничная любовь, которой одаривал его Е Чэн, полностью исчезла, когда у того наконец появился родной сын Е Чэнси. Конечно, за этим могли скрываться и другие причины. Например, разлад в отношениях Е Чэна и Хань Яо.

Е Чэнси родился за границей и прожил там до четырёх лет, прежде чем родители привезли его в родовой особняк. С Е Цзы они прожили вместе чуть больше двух лет. Е Чэнси очень привязался к Е Цзы по простой причине: он не ходил в детский сад и мог играть только с Е Цзы — у него не было друзей-сверстников.

Причина, по которой Е Цзы ненавидел Е Чэнси, тоже была проста: появление Е Чэнси отняло у него всё. Поэтому он толкал Чэнси в грязь, поэтому произошла та история с маской кролика. Но даже вспомнив всё это, Е Цзы по-прежнему ничего не понимал. Он не мог понять намерений Кролика. Зачем он предложил эту сделку? Зачем угрожал? Он ведь прекрасно знал, что Е Цзы — его брат, так почему...

Он открыл дверь. Кролик стоял у окна, его белоснежная рубашка развевалась на ветру. Через французское окно в комнату лился бледный солнечный свет, шторы колыхались, пылинки танцевали в воздухе.

— Ты вернулся, — тихо произнёс Кролик.

Е Цзы замер в дверях, его голос звучал устало:

— Это и есть тот сюрприз, который ты мне приготовил? Ладно, теперь я знаю, кто мы друг другу на самом деле. Но по крайней мере сейчас ты должен объяснить: ради чего ты всё это делаешь?

Кролик обернулся. В руках у него была свежая белая роза, и он лениво играл ею.

— Ради чего? Хм, наверное, не хотел падать в ад в одиночку. Вот и нашёл себе спутника.

Е Цзы опустил голову:

— Только из-за этого? Значит, твои так называемые чувства были ложью?

Кролик нахмурился:

— Как ты мог усомниться? Я люблю тебя.

Е Цзы поднял голову, его голос повысился, глаза покраснели:

— Я твой брат! Твой брат! О чём ты вообще думаешь, Е Чэнси?!

— Ты наконец вспомнил моё настоящее имя, я так рад, — в голосе Кролика звучал неподдельный восторг, но затем его тон вновь стал мрачным: — Мы же не кровные родственники. Да и к тому же, это неважно.

Растерзанная роза упала на пол, рассыпав лепестки. Кролик пошёл к Е Цзы, босыми ногами наступая на её «тело»:

— А-Цзы, я просто хочу быть с тобой. Использую для этого любые средства. Разве это неправильно?

— Почему ты не сказал мне раньше? Почему скрывал это до сих пор?

— Надеялся, ты сам вспомнишь. Вспомнишь всё, что связано со мной. Хотел, чтобы ты полюбил меня. Надеялся, что, узнав обо мне всё, ты выберешь меня.

Е Цзы чувствовал, как голова идёт кругом, он не мог осмыслить слова Кролика. Сел на банкетку у пианино и, пытаясь успокоиться, закрыл глаза. Кролик обнял его сзади и, как раньше, протянул руки к клавишам, наигрывая в верхнем регистре какую-то незнакомую, эфемерную мелодию. Его губы коснулись уха Е Цзы, он зашептал, словно дьявол, искушающий свою добычу:

— А-Цзы, ты забыл, как сильно его ненавидел? Забыл, как безответственный папаша игнорировал тебя, бросил тебя и тётю Яо? Они ссорились в комнате, били фарфор, летели осколки... Тётя Яо разбудила тебя посреди ночи, а рано утром увезла прочь... Неужели не

помнишь? Забыл, что за все эти годы он не дал тебе ни копейки? Забыл, как, встретив тебя на улице, росто прошёл мимо, сделав вид, что не заметил? Забыл, как бежал за ним, громко крича «папа», а он приказал вышвырнуть тебя вон? Как клялся, что заставишь его пожалеть? Как мечтал убить его? К тому же... сегодня он ведь просил тебя держаться от меня подальше? Сказал, что я дьявол, да? Хе-хе. Видишь, он мешает нам. А те, кто мешает нам, такие противные, правда?

Левой рукой Кролик нежно приподнял лицо Е Цзы, склонил голову и прижался губами к уголку его рта. Заходящее солнце, собрав последние лучи в узкий пучок, осветило их волосы. Свет заплясал на подрагивающих ресницах Кролика. Его правая рука продолжала скользить по клавишам, голос звучал как прекрасная музыка:

— Как насчёт недели? Убей его.

<http://bllate.org/book/14916/1582425>